

**РЯЗАНСКИЙ ГАМБИТ БАТУ: О НОВЫХ ТРАКТОВКАХ
СООБЩЕНИЙ «ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»
В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Л.В. Воротынцева

*Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина
Елец, Российская Федерация
leonrus1245@mail.ru*

Цель исследования: критический анализ ряда положений и тезисов, представленных в статье А.В. Майорова «Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия».

Материалы исследования: русские летописи, «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Похвала роду рязанских князей», материалы Разрядного приказа, «Письмо об образе жизни тартар» Юлиана, «Сборник летописей» Рашид ад-дина, «История завоевателя мира» Ата-Мелика Джувейни, «Сокровенное сказание монголов», «Юань Ши» (История династии Юань), «История» Георгия Пахимера, Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета.

Результаты и новизна исследования: на основании анализа сообщений письменных источников и информации, представленной в ряде научных исследований, автор приходит к выводу о недостаточной аргументированности тезиса А.В. Майорова о соответствии историческим реалиям сведений из «Повести о разорении Рязани Батыем». Гипотезы исследователя о целенаправленной политике Бату, направленной на мирное включение княжеств Северо-Восточной Руси в государственную систему Монгольской империи, и одновременное провоцирование на военный конфликт правящих элит Рязанского княжества посредством убийства княжича Федора Юрьевича, содержат ряд логических противоречий и не подтверждаются сведениями как русских летописных, так и зарубежных источников, содержащих сведения о Западном походе монголов.

Ключевые слова: «Повесть о разорении Рязани Батыем», Рязанское княжество, Зарайск, Федор Юрьевич, Западный поход, Бату, монгольская дипломатия, «брачная стратегия» Чингизидов.

Для цитирования: Воротынцева Л.В. Рязанский гамбит Бату: о новых трактовках сообщений «Повести о разорении Рязани Батыем» в современных исследованиях // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 284–302. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.284-302

**BATU'S RYAZAN GAMBIT: ON NEW INTERPRETATIONS
OF THE MESSAGES FROM "THE TALE OF THE DESTRUCTION
OF RYAZAN BY BATU" IN MODERN RESEARCH**

L.V. Vorotyntsev

*Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation
leonrus1245@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* A critical analysis of several positions and theses presented in the article by A.V. Mayorov "Woman, diplomacy and war: Russian princes in negotiations with Batu on the eve of the Mongol invasion".

Research materials: Russian chronicles, "The Tale of the Destruction of Ryazan by Batu", "Praise to the Ryazan Princes", materials of the Discharge department, "Letter about the Image of the life of Tartars" by friar Julian, "Collection of Chronicles" by Rashid al-Din, "History of the Conqueror of the World" by Ata-Melik Juvaini, "The Secret History of the Mongols", "Yuan Shi" (History of the Yuan Dynasty), "History" by George Pachymeres, The Bible. The books of Holy Scripture of the Old and New Testaments.

Results and novelty of the research: On the basis of the analysis of the written sources and information presented in a number of scientific studies, the author concludes that the thesis of A.V. Mayorov on the compliance with historical realities of the information presented in the "Tale of the Destruction of Ryazan by Batu" is insufficiently argued. The researcher's hypotheses about the purposeful policy of Batu aimed at the peaceful inclusion of the principalities of Northeastern Russia into the state system of the Mongol Empire, and the simultaneous provocation of the ruling elites of the Ryazan Principality to a military conflict through the murder of prince Fyodor Yuryevich, contain a number of logical contradictions and are not confirmed by information from both Russian chronicles and foreign sources on the Mongol Western Campaign.

Keywords: "The Tale of the destruction of Ryazan by Batu", Ryazan Principality, Zaraysk, Fyodor Yurieich, Western Campaign, Batu, Mongol diplomacy, "marriage strategy" of the Chingisids

For citation: Vorotyntsev L.V. Batu's Ryazan Gambit: on new Interpretations of the Messages from "The Tale of the Destruction of Ryazan by Batu" in Modern Research. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 284–302. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.284-302 (In Russian)

В 2021 г. в научном журнале «Шаги/Steps» вышло объемное (75-ти страничное) исследование петербургского историка А.В. Майорова, посвященное изучению одного из эпизодов «Повести о разорении Рязани Батыем» – гибели рязанского посольства, возглавляемого княжичем Федором Юрьевичем в ставке Бату осенью 1237 г., рассмотренном в контексте монгольских дипломатических и брачно-династических практик, а также военно-политической стратегии Чингизидов в Западном походе (1236–1241 гг.) [23, с. 124–199]. Следует отметить, что несмотря на то, что представленные в «Повести...» сведения, относящиеся к событиям монгольского нашествия на земли Рязанского княжества, являлись объектом изучения как с исторической так и с филологической точек зрения [1, с. 73–100], вышеуказанный эпизод длительное время не привлекал к себе достаточного внимания со стороны исследователей. Данное обстоятельство в значительной степени актуализирует рас-

смастриваемую в работе тему дипломатических контактов между представителями монгольской и рязанской правящих элит на этапе, предшествовавшем началу военных действий. Структурно рецензируемая статья состоит из 20 разделов, каждый из которых (за исключением введения и заключения) посвящен рассмотрению отдельного вопроса или дискуссионной проблемы. Данное обстоятельство несколько затрудняет рассмотрение всех аспектов исследования, однако является вполне преодолимым в случае выделения основных положений представленных автором.

К несомненным достоинствам работы следует отнести методiku исследования, базирующуюся на сравнительном анализе общеимперских внешнеполитических установок и практик, в контексте соотнесения их с конкретным эпизодом западной военной компании монголов, а также комплексный подход в использовании различных групп письменных и отчасти археологических источников. Вместе с тем ряд выдвинутых в исследовании А.В. Майорова тезисов и гипотез, представляются достаточно спорными и требующими критического рассмотрения. К числу таковых следует отнести: а) положение о несомненной историчности сведений, содержащихся в «Повести о разорении Рязани Батыем», б) гипотезу о применении Бату стратегии подчинения Рязанской земли посредством заключения династических браков Чингизидов с представительницами княжеского дома Игоревичей, в) тезис о якобы проведенной монгольским главнокомандующим политической провокации, с целью обоснования вторжения на территорию княжеств Северо-Восточной Руси.

По мнению А.В. Майорова, неоднократно поднимаемые в исторических исследованиях вопросы о времени и социально-политическом контексте создания «Повести...» не препятствуют использованию содержащихся в ней сведений как уникального и заслуживающего доверия источника информации, позволяющего найти ответ на вопрос о причинах провала попыток мирного соглашения между рязанским княжеским домом и военным руководством монгольской армии, происходивших осенью 1237 г. [23, с. 132–133]. На наш взгляд, без подробного рассмотрения проблемы исторической достоверности сведений, содержащихся в «Повести о разорении Рязани Батыем», дальнейшие исследования по теме раннего этапа рязанско-монгольских отношений теряют научную состоятельность, превращаясь в набор бездоказательных предположений.

К настоящему времени, в историографии представлены две точки зрения на вопрос о времени возникновения вышеуказанного произведения древнерусской словесности, входящего в цикл историко-литературных повестей о Николе Зарайском (Зараском). Рядом исследователей (А.О. Амелькин, В.А. Кучкин, Б.М. Клосс) был озвучен тезис о достаточно позднем (вторая половина XVI в.) появлении повестей «Никольского цикла» [1, с. 73–100; 16, с. 40–113; 14, с. 114–177]. В частности, по мнению Б.М. Клосса, составитель «Повести о разорении Рязани Батыем» использовал сведения о монгольском нашествии, содержащиеся в тексте Московского летописного свода 1479 г. [13, с. 440–441]. В свою очередь Д.С. Лихачев относил появление начального, краткого варианта «Повести...» к концу XIV в., полагая что весь «Зараский» историко-литературный цикл слагался в течении двух столетий (вторая половина XIII – первая половина XV вв.), в дальнейшем продолжая дополняться в

поздних редакторских списках [21, с. 27]. Согласно гипотезе А.Г. Кузьмина, «Повесть о разорении Рязани Батыем» тесно связана с несохранившимся в полной редакции летописным сказанием о нашествии Батыя на Рязанское княжество. Это сказание, по мнению историка, было использовано почти во всех позднейших летописных сводах, включая Никоновскую летопись [18, с. 55–70]. Аналогичная точка зрения была высказана в исследовании И.А. Лобаковой, высказавшей тезис о существовании не дошедшего до нашего времени рязанского летописного свода, послужившего протографической основой как для Новгородской I летописи, так и текста «Повести о разорении Рязани Батыем» [22, с. 775–781]. Однако сравнительный анализ сообщений вышеуказанного новгородского летописного свода со сведениями представленными в «Повести...», не позволяет с определенностью говорить о существовании общего летописного протографа для обоих нарративных источников.

В частности, Новгородский летописный свод XIV в. не содержит сведений о рязанском посольстве в ставку Бату, равно как и о полевом сражении рязанских дружин с монгольскими туменами. В то время как в тексте «Повести о разорении Рязани Батыем» описание гибели дипломатической миссии Федора Юрьевича непосредственно предшествует сообщению о разгроме русских «полков» и последовавшей после этого пятидневной обороне столицы княжества [28].

Помимо этого, в отличие от эпично-гипербализированного рассказа «Повести...» о героической гибели объединенных рязанско-пронско-муромских «полков» и военной элиты в битве с полчищами «царя Батыя»: «И бысть сеча зла и ужасна...един бяшеся с тысящею, а два – со тьмою...Ту ибиен бысть благоверный князь великий Георгий Ингорович...и многая князи месныя, и воеводы крепкыя, и воинство – удалцы и резвцы рязанкия. Все равно умроша и едину чашу смертну пиша...» [28], в тексте Новгородской I летописи сообщение о «выезде» рязанцев «на Воронаж» не завершается сведениями о произошедшем сражении. Более того, летопись четко указывает на руководство Юрием и Романом Ингоровичами военными силами княжества во время осады Рязани объединенными войсками Чингизидов: «...князь же Рязаньскыи Юрьи затворися въ граде с людми; князь же Романъ Ингоровичъ ста битися противу ихъ съ своими людми...» [31, Стб. 287]. В свою очередь, в позднейшем Никоновском летописном своде информация о разгроме объединенных сил рязанско-пронско-муромской коалиции дополняется уточняющим сообщением об успешном отступлении оставшихся в живых представителей правящих элит союзных княжеств в укрепленные городские центры: «...Князи же Рязаньстїи и Муромстїи и Пронстїи изшедше противу безбожных, и сотвориша съ ними брань, и бысть сеча зла и одолеша безбожнии Измаилтяне, и бежаша князи во грады своя» [33, с. 105–106].

Указанные противоречия, а также присутствие в тексте «Повести...» ряда серьезных несоответствий историческим реалиям (упоминание умерших или погибших к моменту начала монгольского нашествия представителей рязанского княжеского дома как активных участников боевых действий и послевоенного восстановления Рязани, перенесение событий 1270 г. (казнь в ставке хана Менгу-Тимура рязанского князя Романа Ольговича) на период монгольского вторжения) может являться либо свидетельством отсутствия у автора «Повести...» доступа к летописному первоисточнику, либо целенаправ-

ленного искажения летописных сообщений в угоду политической или идеологической конъюнктуре времени составления данного историко-литературного произведения.

Также необходимо обратить внимание на представленную в заключительной части «Повести...» легендарную версию возникновения местного («Заразского») названия иконы Николы Корсунского, соотносящее ее с эпизодом самоубийства «княгини» Евпраксии, якобы разбившейся («заразившейся») вместе с малолетним сыном Иваном Постником после получения известия о гибели мужа в ставке Бату [28]. Учитывая тот факт, что согласно сообщениям ряда источников, время возникновения города Зарайска (Заразскъ, Зараскъ) и существовавшего на его территории «Никольского» прихода датируется первой третью XVI в. [9, 44–56; 32, с. 283; 34, с. 521; 35, с. 223; 40, с. 81], факт присутствия в тексте произведения легенды о происхождении названия образа «Николы Заразского» является косвенным доказательством достаточно позднего сложения «Повести о разорении Рязани Батыем».

По всей вероятности, появление данной легенды в тексте «Повести...» следует связывать со стремлением местных священнослужителей «привязать» перенесенную из Рязани икону Николая Мирликийского к новому месту ее пребывания – г. Зарайску, топонимическая основа названия которого достаточно аргументированно соотносится с урочищем Заразы, располагавшимся в непосредственной близости от новообразованного населенного пункта [9, с. 49]. Согласно гипотезе Анджея Поппэ, культ Николы Заразского, становление которого, по мнению исследователя, произошло не ранее 1530-х гг., непосредственным образом связан с оформлением «Никольского» литературного цикла [29, с. 289–34]. В контексте данной гипотезы польского историка следует обратить особое внимание на представленные в работе Н.Н. Годлевского сведения актовых материалов XVII в., содержащие информацию об имущественном состоянии династии «никольских» протопопов Зарайска [7, с. 84]. Согласно документам Разрядного приказа, «Николы Заразского протопоп» являлся крупнейшим землевладельцем Зарайского уезда, которому, помимо «дворов в остроге», принадлежало значительное количество «тягловых» дворов в окрестностях города, а также «рыбные ловли», бобровые гоны по р. Осетр, мост и мельницы [41, стб. 44, л. 83]. Принимая во внимание получившую широкое распространение в XV–XVI вв. практику «дарений» монастырям и приходам денежных сумм и объектов недвижимости, практически не вызывает сомнений тот факт, что значительная часть недвижимого имущества и земельно-промысловых угодий «Никольского» прихода была получена в результате дарственных пожалований со стороны представителей местной (рязанской) служилой аристократии, являвшихся светскими покровителями (ктиторами) зарайского храма. Таким образом, вероятной целью составления цикла историко-литературных повестей, могла являться прямая материальная заинтересованность представителей рода зарайских священнослужителей в повышении «сакрального» статуса своего прихода, посредством создания легендарных сказаний о древнем происхождении образа «Николы Заразского» и связанного с ним культа почитания рязанских князей – «страстотерпцев» (Федора Рязанского и Олега Красного).

Исходя из вышеизложенной аргументации, следует сделать вывод о том, что сведения, содержащиеся в «Повести о разорении Рязани Батыем», не мо-

гут восприниматься в качестве нарратива, объективно отражающего исторические реалии начального периода монгольского нашествия на Русь. Использование информации «Повести...» в исторических исследованиях представляется целесообразным лишь в контексте сравнительного анализа с сообщениями русских летописей и/или зарубежных источников. В качестве примера такого подхода допустимо привести исследование А.Г. Кузьмина, посвященное вопросу становления и развития рязанского летописания. Проведя анализ летописных сообщений, относящихся к политической истории Рязанского княжества XIII в., историк пришел к выводу о легендарности содержащейся в «Повести...» информации о возвращении Ингваря Ингваревича и Михаила Всеволодовича в Рязань и Пронск сразу после разорения княжества монголами зимой 1237/1238 гг. [17, с. 175–176]. Новейшими исследованиями современных российских историков также была доказана мифологичность эпизода «Повести о разорении Рязани Батыем», описывающего мученическую гибель «за веру» Олега Ингваревича Красного, якобы попавшего в монгольский плен после разгрома рязанско-пронско-муромских дружин в полевом сражении [6, с. 733–748; 19, с. 111–136].

Одним из основных аргументов, являющихся, по мнению А.В. Майорова, дополнительным основанием для использования «Повести...» в качестве исторического источника, является наличие в тексте историко-литературного произведения неких «оригинальных сведений», позволяющих объяснить якобы имевшее место изменение первоначальных планов монгольских военачальников по ведению «военных действий на Западе» против половцев и венгров, а также ответить на главный вопрос рецензируемой статьи: «...почему русским князьям и предводителю монголов не удалось договориться о мире, несмотря на взаимную заинтересованность и даже некоторую готовность русской стороны к поиску компромисса...» [23, с. 132–133, 163–164]. С подобным категоричным суждением исследователя невозможно согласиться в силу следующих причин.

Прежде всего необходимо отметить, что в дошедших до нашего времени письменных источниках не содержится информации об изначально имевшихся приоритетных планах Чингизидов, направленных на захват территории государств Восточной и Центральной Европы, расположенных к западу от Карпат. В частности, согласно сведениям, представленным в династической хронике «Юань ши», основными землями, подлежащими завоеванию на «Западе», являлись «государства кипчаков и русских»: «В год под циклическими знаками цзя-у [1234 г.] правления Тай-цзуна [великого хана Угэдэя] было приказано чжувану Бадуну [Бату] отправиться в поход на запад, в государства кипчаков и русских... В год под циклическими знаками и-мо [1235 г.] Дин-цзун [Гуюк], Сянь-цзун [Мункэ], все циньваны вместе с Субутаем собрались в карательный поход на Западный край. В следующем году выступили» [44, цз. 63, с. 86; Цз. 122, с. 916; 20, с. 162]. В историческом трактате хулагуидского хрониста Ата-Мелика Джувейни в числе «непокорных» народов, которые требовалось подчинить во время Западного похода, указаны волжские болгары (булгары), ясы (аланы) и русы: «Когда Кааан второй раз собрал великий курилтай, они все вместе думали, как истребить и подчинить себе всех непокорных, которые еще оставались; и было решено захватить земли болгар и ясов, и русов, которые граничили с владениями Бату...» [10, с. 184–

185]. По сообщению Рашид ад-дина, задачей поставленной Угедзем «царевичам»-Чингизидам в Западном походе, являлось подчинение «областей» «кипчаков, русских, булар, маджар, башгирд, асов...» [39, с. 36]. В советском издании хроники персидского «летописца» этноним «булар» трактуется переводчиком как обозначение населения Польши [38, с. 36]. Данная трактовка, по всей вероятности, основывалась на имеющемся в тексте источника указании на христианское вероисповедание «булар» [39, с. 37]. Вместе с тем, учитывая тот факт, что «область булар» упоминается в одном ряду с «областями» кыпчаков и русских, а описание военной компании против «булар» и «башгирдов» датируется Рашид ад-дином осенью 1236 г. (633 г. х.), представляется вполне обоснованной версия о соединении хулагуидским историографом двух эпизодов Западного похода (завоевания Среднего Поволжья и вторжения в Восточную Европу) в один. Соответственно, термином «области булар и башгирд» в вышеуказанном сочинении обозначались как земли Волжской Булгарии и союзных ей тюрко-угорских племен, так и территории Польских княжеств и Венгерского королевства.

Единственное свидетельство о якобы имевшихся у монголов планах завоевания Венгерского королевства и других европейских государств уже на начальном этапе Западного похода имеется в письме доминиканского монаха Юлиана, находившегося на территории Владимиро-Суздальского княжества накануне монгольского вторжения. По замечанию самого автора послания, сведения о намерениях азиатских завоевателей были получены им от суздальского князя Юрия Всеволодовича, подобным образом передавшего католическому миссионеру якобы имевшуюся у него информацию: «Многие говорят, что не подлежит сомнению, и князь Суздаля передал устно через меня королю Венгрии, что днем и ночью обсуждают татары, как они победят и овладеют христианским королевством Венгрии. Ибо говорят, что имеют намерение напасть на Рим и за пределами Рима» [41, с. 388]. Вместе с тем из приводимого в письме Юлиана текста монгольского послания, отправленного, по всей вероятности, от лица монгольского великого хана Угедая венгерскому королю Беле IV, можно сделать вывод о том, что требования монголов ограничивались признанием политической зависимости Арпадов от империи Чингизидов, а также изгнания половецких племен, массово переселявшихся на земли венгерского королевства [42, с. 389]. Лишь неоднократное игнорирование Белой IV монгольских дипломатических предложений (традиционно оформленных в виде ультимативных требований), повлекло за собой вторжение чингизидских войск в пределы королевства. Заслуживает внимания и тот факт, что в письме Юлиана в числе беженцев, уходивших летом и осенью 1237 г. от монгольского нашествия в земли Руси, указываются рутены, венгры, и булгары¹. Совершенно очевидно, что в данном случае под «венграми» доминиканским миссионером понимались жители «великой Венгрии» («Ungarie magne») [42, с. 389], то есть территории Южного Приуралья, являвшиеся местом проживания восточно-мадьярских родо-племенных объединений («башгирдов» мусульманских средневековых источников, «бачжигитов» «Сокровенного сказания» или «баскар-

---

¹ «...ipsi Ruteni, Ungari et Bulgari qui ante eos fugerant viva voce nobis referabant...» («...те Рутены, Венгры и Булгары, которые перед ними (монголами – Л.В.) бежали...») [41, с. 377–378, 386].

дов», упоминаемых в послании францисканского монаха Иоганки Венгра) [12, с. 192, 194; 2, с. 90–94].

Таким образом, утверждение о якобы имевшихся у монгольских военачальников первоначальных планах вторжения в Венгрию не находит достаточных подтверждений в источниках. Согласно представленной информации, приоритетными направлениями монгольской военной экспансии являлись обширные пространства половецких кочевий, располагавшихся к западу от Волги (Итиля), земли Среднего Поволжья (Волжской Болгарии), а также «земли» «русов» и «асов», значительная часть территории расселения которых располагалась в лесостепной и предгорной ландшафтных зонах, пригодных для ведения животноводческой хозяйственной деятельности кочевников.

После разгрома Волжской Болгарии, половецкой орды Бачмана, асов Качир-укулэ и мирного подчинения мокшанского племенного союза («Пурешевой волости»), осенью 1237 г. монгольские тумены вышли к границам русских княжеств сразу с нескольких направлений [39, с. 37–38; 3, с. 85–86; 42, с. 386]. Командование корпусом, располагавшимся на южных рубежах Рязанского княжества, осуществлялось непосредственно Бату, отправившим дипломатическую миссию в Рязань и Владимир с предложениями мирного подчинения этих княжеств власти великого хана. Исходя из информации, представленной в Новгородской I летописи, условия мирного соглашения предполагали предоставление рязанцами определенного числа лошадей и «людей» во главе с князьями (по всей вероятности контингента вспомогательных войск) в распоряжение монгольских военачальников: «... и ... послаша послы свои злые...ко княземъ Резаньскимъ, просяще у нихъ десятины во всемъ: въ князехъ и в людехъ, 10-е в конейхъ...» [31, с. 74]. Согласно сведениям «Повести о разорении Рязани Батыем», на совете рязанских, пронских и муромских князей было принято решение об отправке к монголам ответного посольства, возглавить которое было поручено сыну правителя Рязанского княжества – Федору Юрьевичу. Характерно, что данное сообщение «Повести...» было некритично принято некоторыми современными исследователями русско-ордынских отношений в качестве имевшего места исторического события [15, с. 136–140; 23, с. 133] и послужило основой для построения ряда теоретических гипотез и предположений.

Вместе с тем, ни в русских летописных источниках, ни в зарубежных исторических хрониках, содержащих сведения о Западном походе монголов, не содержится никакой информации ни о самом посольстве рязанцев, ни о сексуально-матримониальных требованиях Бату, якобы выдвинутых им в контексте предъявления политического ультиматума правящим элитам Рязанского княжества. Информация об этом присутствует лишь в тексте «Повести о разорении Рязани Батыем»: «И посла сына своего князя Федора Юрьевича Резаньскаго к безбожному царю Батюю з дары и молении великиими... Безбожный царь Батый, льстив бо и немилосердь, приа дары...и нача просити у рязаньских князей тщери или сестры собе на ложе...» [28; 11, с. 344–361]. Вышеуказанное обстоятельство не позволяет однозначно считать данное сообщение литературного произведения отражением исторических реалий.

Тем не менее, даже если принимать рассказ о дипломатической миссии рязанского княжича Федора Юрьевича как сохранившееся в искаженной литературной обработке свидетельство о реально имевшем место эпизоде ря-

занско-монгольских политических контактов, представляется вполне обоснованным и необходимым провести критический анализ изложенной в представленном эпизоде информации.

Теоретически допуская возможность пребывания рязанского посольства в ставке Бату, необходимо отметить, что описываемое «Повестью...» отношение монгольской военно-политической элиты к Федору Юрьевичу находится в прямом противоречии с сообщениями письменных источников, не зафиксировавших ни одного случая казни в ставках монгольских правителей или военачальников глав дипломатических миссий независимых от Чингизидов государств. В свою очередь, неуважительное отношение, или убийство монгольских послов могло являться непосредственной причиной начала боевых действий. В частности, согласно сообщению «Сокровенного сказания» вторая военная компания Чингиз-хана против чжурчженской империи Цзинь началась после того, как Алтан-хан Ахутай «...учинил препятствия нашему (монгольскому – Л.В.) посольству во главе с Чжубханом...» [12, с. 181]. Несколько позднее истребление монгольской торгово-дипломатической миссии во владениях хорезм-шаха Ала-ад-дина Мухаммада вызвало вторжение монгольских войск в пределы Хорезмийского султаната [38, с. 188–189; 12, с. 182]. В свете вышеуказанных обстоятельств, описываемое в «Повести...» уничтожение рязанского посольства представляется попыткой автора (или авторов) историко-литературного произведения объяснить причину провала мирных переговоров и последовавшего военного разгрома Рязанского княжества.

Столь же искусственным литературным конструктом выглядит эпизод с требованиями Бату предоставить «на ложе» представительниц рязанского княжеского дома, включая жену главы русского посольства. Согласно гипотезе А.В. Майорова, описанный в «Повести о разорении Рязани Батыем» «брачный ультиматум» главы Западного похода, являлся одним из условий вхождения Рязанской земли в государственную систему *Yeke Mongyol Ulus*² в формате «стратегии семейной конфедерации» [23, с. 138]. Данная стратегия предполагала вхождение представителей политических элит подчинившихся государств в правящее сословие Монгольской империи посредством заключения династических браков и действительно иногда применялась Чингизханом и его наследниками в период формирования имперской административно-политической структуры [10, с. 32]. Вместе с тем, приводимые исследователем случаи заключения брачных союзов Чингиз-хана и его потомков [23, с. 137] не могут считаться аналогами вышеприведенного сообщения «Повести...», поскольку все указанные А.В. Майоровым браки основателя Монгольской империи, а также его сыновей заключались с представительницами правящих династий племен или государств, потерпевших поражение в военном противостоянии с монголами (татары, меркиты, тангутское государство Си Ся, чжурчженская империя Цзинь, держава хорезмшахов Ануштегидов). В то время как правители, добровольно или в результате военно-политического давления признавшие политическую зависимость своих государств от державы Чингиз-хана, имели возможность заключения династического брака с дочерьми или родственницами основателя империи и его на-

---

² «*Yeke Mongyol Ulus*» («Великое Монгольское Владение») – официальное название державы Чингизидов.

следников. Приводимый А.В. Майоровым пример матримониальной инициативы «тартарского правителя»³ о заключении брака между детьми представителя «золотого рода» и венгерского короля, сведения о которой сохранились в письме Беле IV от римского папы Александра IV, относится к категории дипломатических предложений о заключении военно-политического союза между двумя суверенными государствами. Следует отметить, что согласно представленному в письме римского понтифика пересказу «тартарских» предложений, правителю Венгерского королевства предоставлялся свободный выбор в отношении формата брачного соглашения⁴. Указанное обстоятельство не позволяет считать этот эпизод венгерско-монгольских отношений аналогичным требованиям предъявленным Бату рязанским князьям.

Отмечаемые А.В. Майоровым примеры браков Чингизидов с византийскими «принцессами» [23, с. 151], также не могут рассматриваться в качестве аналогов гипотетически возможных брачных предложений Бату правящим элитам Рязанского княжества в силу того обстоятельства, что замужество дочерей византийских императоров с представителями «золотого рода» не являлись следствием политических ультиматумов и не влекли за собой включение Византийской империи в государственные системы Чингизидских государств. Согласно сведениям византийских источников подобные брачные альянсы были достаточно распространенной практикой, направленной на заключение политических союзов с правителями государств, представлявших потенциальную угрозу или способных оказать военную помощь (например, одна из законных дочерей Михаила VIII Палеолога – Анна, была выдана замуж за сына сербского короля Стефана Уроша – Милутина, а другая (Евдокия) в 1282 г. стала супругой правителя Лазики) [8, с. 322, 482–483]. Ссылка исследователя на гипотезу В. Баума, о якобы имевших место брачных предложениях грузинской царице Русудан со стороны нойона Байджу и главы Улуса Джучи – Бату [45, р. 3–52; 23, с. 142] не имеют подтверждений в источниках, и основывается лишь на гипотетических предположениях немецкого историка, равно как и предположение самого А.В. Майорова о принадлежности жены рязанского княжича Федора к династии византийских (никейских) базилиевсов [23, с. 144, 150–151].

³ Определение личности «тартарского правителя», от лица которого венгерскому королевскому двору были представлены брачные предложения, представляется достаточно затруднительным и к настоящему времени является предметом научной дискуссии. По мнению Р. Хауталы им являлся глава Улуса Джучи – Берке [43, с. 296]. В то время как А.В. Порсиным была высказана гипотеза о том, что послание Беле IV было отправлено от лица великого хана Менгу [37, с. 301–302]. Рассматривая данную проблему, следует учитывать тот факт, что в источниках не содержится аналогичных примеров брачных предложений монгольских великих ханов (каанов) правителям государств разгромленных войсками Чингизидов. В данном контексте допустимо предположить, что послание 1259 г. было составлено в орде Берке, с возможным упоминанием титула Менгу (Мунке) как верховного правителя *Yeke Mongyol Ulus*.

⁴ «...Offerunt enim tidi, sicut tue nrrationis series continebant, ut secundum optionem tua vel filio tuo filia principis Tartarorum, vel filio eius filia tua matrimonio coniungtur...» («...Ибо они предложили тебе, согласно содержанию последовательно изложенного тобой повествования, чтобы, в зависимости от твоего выбора, либо женить дочь тартарского правителя на твоём сыне, либо выдать замуж твою дочь за его сына...» [45, I, no. 454, р. 240; 42, с. 296–297].

Столь же мало аргументированными представляются попытки соотнести рассказ «Повести...» о якобы имевшем место требовании Бату предоставить в его распоряжение жену рязанского княжича Федора с нормами обычного права кочевников или биликов (высказываний) Чингиз-хана. По мнению исследователя, данное требование предводителя монгольских войск, «вполне соответствовало представлениям о браке и нормам морали, которых придерживались Чингизиды» [23, с. 144]. В качестве доказательств своему тезису, А.В. Майоров использует приводимое в хронике Рашид ад-дина высказывание Чингиз-хана о сексуальном рабстве жен побежденных врагов, как одном из высших наслаждений, доступных воину, ряд эпизодов семейной истории Борджигинов, относящихся к похищению жен представителями «золотого рода» (включая историю двойного замужества матери Темуджина – Оэлун), а также насильственные действия ильхана Абу-Саида в отношении жены одного из эмиров Хулагуидской державы Хасана Бузурга Джелаирида – Багдадхатун [23, с. 144–146; 38, с. 265].

Вместе с тем при подробном рассмотрении вышеперечисленных аргументов, следует учитывать ряд аспектов, не позволяющих принять приводимые исследователем примеры в качестве аналогов сообщения «Повести о разорении Рязани Батыем». Так, судя по приводимому автором исследования тексту сообщения Рашид ад-дина, данное высказывание Чингиз-хана об удовольствии обладания чужими женами относилось исключительно к супругам поверженных в военном противостоянии врагов [38, с. 265]. Содержащиеся в «Сокровенном сказании монголов» рассказы о «присвоении» Есугей-баатуrom жены меркита Эки-Чиледу – Оэлун-хатун, а также «меркитского плена» первой жены Темуджина – Бортэ-хатун, свидетельствуют о том, что практика захвата жен представителей враждебных племен являлась устоявшейся традицией в среде кочевников Восточной Евразии в период предшествующий появлению централизованного государства. Именно как соблюдение этой степной традиции следует трактовать содержащуюся в «Монгол-ун ниуча тобчиян» историю о взятии в жены Чингиз-ханом сестер татарок Есуганхатун и Есуй-хатун, попавших в монгольский плен после разгрома и истребления татар в битвах при Далан-нэмургесе и урочище Улхуй-шилугельжит [12, с. 123, 124]. Учитывая тот факт, что татары являлись «кровными» врагами рода Борджигин [12, с. 84, 87, 123], данное действие основателя Монгольской империи абсолютно соответствовало нормам обычного права кочевников. Кроме того, следует отметить, что казнь первого мужа Есуй-хатун произошла после завершения «татарского похода» Темуджина и не являлась следствием желания монгольского правителя включить его законную жену в число ханских «хатуней» [12, с. 124–125]. К соблюдению этой традиции «обладания» супругами врагов, следует отнести и приводимый Рашид ад-дином эпизод биографии великого хана Угедея, описывающий обстоятельства появления в числе его жен меркитки Туракины: «...Передают, что когда захватили братьев Хачиуна...жен всех троих привели после набега и содержали одинаково. Угэдэй-каан сказал Чагатаю: «Пойдем возьмем их силой». Чагатай [это] не одобрил. Угэдэй надменно пошел, повалил и насильно взял Туракина-хатун. Чингиз-хан [это] одобрил, а двух остальных жен отдал другим людям...» [39, с. 9].

Попытка А.В. Майорова привлечь в качестве доказательства существования у монгольской аристократии неких «сексуальных привилегий» в отношении замужних женщин, неподвластных Чингизидам народов, сообщение участника францисканской миссии Плато Карпини – брата Ц. де Бридиа опровергается приводимыми им же примерами карательных действий сексуального характера, осуществленных по приказу великого хана Угедая против девушек и замужних женщин монгольских племен «левого крыла», несомненно находившихся в числе подданных каана [23, с. 147–148; 10, с. 161–162; 37, с. 63–64]. В свою очередь эпизод, связанный со взятием в гарем ильхана Абу-Саида жены одного из его эмиров, также находился в парадигме отношений «правитель-подчиненный», что не соответствует реалиям рязанско-монгольских отношений осени 1237 г. Как подчеркивает сам автор рецензируемой работы, информация, представленная в «Повести...» не позволяет говорить о наличии вассальных отношений между рязанскими князьями и Чингизидами, участвовавшими в Западном походе [23, с. 160]. Таким образом, на них не могли распространяться политико-административные практики, применяемые монгольской элитой в отношении своих подданных и представителей покоренных (или разгромленных) государств и племен.

В данном контексте совершенно необъяснимым выглядит стремление исследователя увязать вышеприведенный эпизод внутривнутриполитических реалий Монгольской империи с якобы имевшими место требованиями Бату к рязанским князьям, не находившимися осенью 1237 г. ни в какой степени зависимости от главы Джучидов. Более того в источниках не фиксируется случаев предъявления монголами требований о предоставлении замужних женщин в ультиматумах, направляемых правящим элитам государств, к чьим границам подходили войска завоевателей.

По свидетельству Ата-Мелика Джувеини в тексте ярлыка Чингиз-хана, копии которого вместе с «алой тамгой» направлялись монгольскими военачальниками в «непокорившиеся» города и государства, содержалась гарантия неприкосновенности не только самим представителям местной аристократии, добровольно подчинившимся власти монголов, но также членам их семей: «...И в знак этого они вручили посылным алую тамгу, написанную по-уйгурски, и копию ярлыка Чингиз-хана, суть которого была такова: «Да будет известно эмирам и вельможам то, что...все земли от восхода солнца и до его заката я отдал тебе. А потому каждый, кто явит свою покорность, будет помилован, **как и его жены и дети**, и его добро; а тот, кто не покорится, погибнет вместе со всеми своими женами, и детьми, и родственниками...» [10, с. 97].

Практика же людских «реквизиций» в невоенных целях применялась монголами исключительно в отношении молодого населения, не находящегося в брачных отношениях. Так, согласно сообщению Плато Карпини, «татары», при заключении соглашения с «покорившимися» народами могли уводить в рабство десятую часть населения после проведения переписных мероприятий: «...И вот что татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно также поступают с **девушками**; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов...» [36, с. 55]. Вместе с тем, следует отметить, что указанная папским дипломатом практика угона

невольников не применялась к большинству государств и народов, добровольно признавших политическую зависимость от Монгольской империи. В частности, подобные действия не осуществлялись в отношении государства турфанских уйгуров, Бадахшана, Киликийского царства (Малой Армении), Иконийского (Румского) султаната, «княжеств» Тибета и ряда других государственных и племенных образований, вошедших в государственную систему «Рах Mongolica».

Аналогичным образом, представляется недостаточно аргументированным объяснение А.В. Майоровым якобы имевшей место политической провокации Бату в отношении рязанского княжича, рассматриваемой исследователем в контексте тактики «обмана и провокации», будто бы регулярно применяемой монгольскими правителями при ведении переговоров с представителями сопредельных государств и народов [23, с. 167–169]. В качестве подтверждения своего тезиса, А.В. Майоров приводит отрывок сочинения Плано Карпини с его рассуждениями о «коварстве» и «лживости» «татар». Однако приводимые в тексте записки европейского путешественника примеры такого «вероломства» относятся к эпизодам описания папским дипломатом традиционных условий мирных соглашений (якобы не соблюдавшихся впоследствии), правил монгольского дипломатического этикета (невыполнение которых сопровождалось казнью нарушителя), условий пребывания родственников правителей зависимых государств при дворе великого хана, подавлений антимонгольских восстаний в подвластных землях, изменения административно-политического статуса некоторых территорий, входивших в Монгольскую империю, и даже разбирательства на ханском суде – яргу [36, с. 55–57; 5, с. 135–139]. Совершенно очевидно, что ни один из вышеуказанных примеров не может являться свидетельством нарушения Чингизидами политических договоренностей с правящими элитами добровольно подчинившихся государств или племенных объединений, равно как и приводимое А.В. Майоровым сообщение Плано Карпини о якобы имевшихся у монгольских правителей намерениях полного уничтожения правящих элит покоренных народов [23, с. 168–169; 36, с. 55–56]. Для опровержения данного тезиса папского посланника достаточно привести перечень государств, находившихся в той или иной степени политической зависимости от чингизидских держав, сохранивших при этом полное самоуправление, осуществляемое представителями местных правящих династий. К таковым государственным образованиям следует отнести: Корё, Дай Вьет, Чампу, владения тибетских цэнпо, Бадахшан, Луристан, «царства» грузинских Багратидов, Киликийскую Армению, Иконийский султанат, большую часть русских княжеств, Болгарское царство, Сербское королевство и ряд других, более мелких владений.

Приводимый исследователем пример «вероломного» поведения монгольских военачальников в битве на Калке, *de facto* являлся военной хитростью, примененной Субедеем и Джебе в ответ на абсолютно немотивированное убийство русскими князьями монгольских послов, направленных с предложениями заключения мирного соглашения и союза: «...Тогда же уведавше Татарове, яко идуть рускыи князи противу имъ и прислаша послы к рускым княземъ: се слышимъ яко идете противу нас...а мы вашей земли не заяхомъ, ниже градовъ ваших, ни сель ваших...возмите с нами миръ...Князи рустеи не внимающе нь, послы избйша, а сами поидоша противу имъ...» [31, стб. 266].

Более того Новгородская первая летопись возлагает всю вину за обман и гибель русских князей на Калке не на монгольских «темников», а на предводителя союзных монголам бродников – Плоскыню, выступившим посредником на переговорах: «...Ту же и бродници с татарове быша, и воевода их Плоскыня, и тъ оканныи воевода целова крестъ честнии къ Мьстиславу и ко обоимъ княземъ, како их не избити нь, пустити их на искупъ, и солгавъ аканныи сице связавъ предаст их татаром...» [31, с. 62–63].

Принимая во внимание вышеизложенную аргументацию, следует сделать вывод о том, что представленная в «Повести о разорении Рязани Батыем» версия о якобы имевших место «брачно-сексуальных» требованиях Бату в отношении представительниц рязанского княжеского дома, является легендарно-мифологическим конструктом, составленным автором вышеуказанного литературного произведения. Наиболее вероятной целью включения этого эпизода в текст «Повести...» являлось создание негативного образа предводителя монгольских войск, как представителя иноверческого и инородческого мира.

Рассматривая данный вопрос, следует учитывать тот факт, что в библейской и христианской традициях сексуальная невоздержанность в отношении чужих жен является одним из признаков «греховности» и «нечестивости» правителя. В частности, насильственное сожительство израильского царя Давида с женой его военачальника Урии Хеттеянина – Вирсавией, рассматривалось составителем 2-й Книги царств как одно из тягчайших прегрешений правителя Израиля, навлекшего на него «Суд Божий» [4, с. 337–339]. Следуя указанным традициям, автор Повести временных лет (ПВЛ) отмечал «блудное» поведение князя Владимира Святославовича в качестве одного из эпизодов его «нечестивой» языческой жизни: «...И бе несуть блуда, приводя к себе мужьски жены и девице растьяя бе бо женолюбець яко и Соломонь...» [30, стб. 67]. Более того даже сожительство киевского князя с женой убитого брата Владимира – Святополка, отмечается летописцем как греховный поступок будущего «равноапостольного» крестителя Руси [30, стб. 66]. Учитывая, что упоминание Бату в «Повести о разорении Рязани Батыем» сопровождается рядом оскорбительных эпитетов («безбожный», «льстивый», «немилосердный» и «**пореваемый в похоти плоти своея**») [28], приводимое в тексте литературного источника желание монгольского правителя «ведети красоту» жены рязанского княжича, являлось как бы наглядным подтверждением «окаянности» вражеского предводителя.

В то же время соблюдение правил супружеской верности представлялось в древнерусской церковной и светской литературе в качестве одной из главных добродетелей и признаком «праведности» государственного деятеля. Данные представления, базируясь на ветхозаветной истории Иосифа и жены Потифара Египтянина [4, с. 42–43], нашли отражение в таких памятниках древнерусской словесности как «Поучение Владимира Мономаха» и «Поучение о Петре и Февронии Муромских» [25; 27].

Принимая во внимание тот факт, что основной идеологической составляющей повестей Зарайского цикла являлось панегирическая характеристика представителей династии правителей Рязанского княжества, особенно ярко представленной в одной из частей литературного свода – т. н. «Похвале роду рязанских князей» [24, с. 200–203], описанный в «Повести...» поступок Федора Юрьевича полностью укладывается в созданный зарайскими протопо-

пами идеализированный образ христианского благочестивого князя. Характерно, что в числе добродетелей представителей рязанского княжеского дома, указанных в тексте «Похвалы...», отмечается их отчаянная храбрость («...паче меры храбры...») и супружеская благочестивость («...чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста...А по браце целомудренно живяста, смотряючи своего спасения...») [24, с. 200–203; 26, с. 23–24]. Данные черты характера абсолютно соответствуют литературному поведению рязанского княжича в ставке Бату. Аналогичным образом, описанный в «Повести о разорении Рязани Батыем» поступок жены рязанского княжича – Евпраксии, несмотря на явное противоречие христианским уложениям о запрете самоубийства, является примером супружеской верности, находя некоторые символические аналогии в древнерусской «Повести о Петре и Февронии» [27].

Подводя итоги данного исследования следует отметить, что, несмотря на оригинальный и достаточно интересный взгляд А.В. Майорова на проблему рязанско-монгольских отношений начального этапа монгольского нашествия на Русь, большая часть гипотез исследователя не подтверждается убедительными доказательствами в пользу смелых авторских выводов. Попытка историка использовать в качестве доказательной базы информацию, представленную в тексте литературного произведения XVI столетия – «Повести о разорении Рязани Батыем», не представляется убедительной в виду крайней недостоверности содержащихся в нем сведений, не находящих подтверждений в аутентичных эпохе письменных источниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелькин А.О. О времени создания и литературной истории цикла Повестей о Николе Заразском // Зарайские мученики – князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск, 1998. С. 73–100.
2. Анинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. М.–Л., Изд. АН. СССР. 1940. Вып. 3. С. 71–112.
3. Бабинцев Р.В. Мордва в системе золотоордынской государственности // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 85–88.
4. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета (канонические). Минск: Тип. им. Ф. Скорины. 1992. 1215 с.
5. Воротынцев Л.В. Кем был «Сарацин» – переписчик, упоминаемый в «Истории монгалов» Плано Карпини (к вопросу о проведении первой ордынской переписи на Руси в 1245 г.). // Золотоордынская цивилизация. № 10. Казань, 2017. С. 135–139.
6. Воротынцев Л.В. «Ордынский плен» рязанского князя Олега Ингваревича Красного (1238–1258 гг.): от историографического мифа к историческим реалиям // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 4. С. 733–748. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.733-748
7. Годлевский Н.Н. Планировка и застройка среднерусского города XVI–XVII столетиях (на примерах Тулы, Зарайска, Коломны и Можайска). Дисс. канд. архит. наук. М., 1967. 278 с.
8. Георгія Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологахъ. Т. I. Царствование Михаила Палеолога 1255–1282. СПб., 1862. 523 с.
9. Добродомов И.Г. Топоним Зарайск // Зарайские мученики – князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск, 1998. С. 44–56.
10. Джувейни Ата-Мелик. История завоевателя мира. М., 2004. 689 с.

11. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. 948 с.
12. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941. 619 с.
13. Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001. 488 с.
14. Клосс Б.М. История создания Повести о Николе Заразском // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002. С. 114–177.
15. Кривошеев Ю.В. Монголы и Русь. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. СПб., Академия исследования культуры. 2015. 452 с.
16. Кучкин В.А. Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002. С. 40–113.
17. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. 286 с.
18. Кузьмин А.Г. Летописные известия о разорении Рязани Батыем // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1963. № 2. С. 55–70.
19. Кузьмин А.В. Рязанские, Пронские и муромские князья в XIII – середине XIV века (историко-генеалогическое исследование) // Записки отдела рукописей РГБ. Статьи и сообщения. М., 2008. Вып. 53. С. 111–136.
20. Кычанов Е.И. Сведения «Юань ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 18. 1999. С. 160–169.
21. Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском // Зарайские мученики – князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск, 1998. С. 27–35.
22. Лобакова И.А. Заметки по текстологии «Повестей о Николе Заразском» (Отклик на концепцию Б.М. Клосса) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Polemica. СПб., Дмитрий Буланин, 2005. С. 761–784.
23. Майоров А.В. Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. С. 124–199.
24. Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 200–203.
25. Поучение Владимира Мономаха // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4874> (дата обращения – 22.11.2021 г.)
26. Похвала роду рязанских князей // Зарайские мученики – князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск, 1998. С. 23–24.
27. Повесть о Петре и Февронии Муромских (Сочинения Ермолая-Еразма, РНБ, Соловецкое собр., № 287/307) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5116#> (дата обращения – 23.11.2021 г.)
28. Повесть о разорении Рязани Батыем (Рукопись РГБ, Волоколамское собр., вт. треть XVI в., лл. 229–258) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4956> (дата обращения – 21.11.2021 г.)
29. Поппэ А. К начальной истории культа св. Николы Заразского // Essays in Honor of A.A. Zimin / Ed. by D. Waugh. Columbus, 1985. P. 289–304.
30. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 Стб.
31. Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 656 с.
32. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1858. 283 с.
33. Полное собрание русских летописей. Т. IX, X. Никоновская летопись. М., 1965. 244 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. XX. Русский хронограф; ч. I: Хронограф редакции 1512 г. СПб., 1911. 578 с..

35. Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921. 275 с.
36. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. СПб., 1957. 270 с.
37. Порсин А.А. Берке. Мусульманин на монгольском троне. Нур-Султан. 2020. 424 с.
38. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Ч. 2. М.-Л., 1952. 315 с.
39. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960. 248 с.
40. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. 617 с.
41. Разрядный приказ, г. Москва, № описи 10. Столбцы Владимирского стола, столб. 44. 1637–1641. Л. 83. // РГАДА. № фонда 210. 10.
42. Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань., 2015. 496 с.
43. Хаутала Р. От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (1) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 272–313.
44. Юань Ши (История династии Юань). Шанхай., 1935–1937. 578 с.
45. Baum W. Die Mongolen und ds Christentum. In J. Tubach, S. G. Vashalomidze, M. Zimmer. Reichert Verlag. 2012. P. 41. P. 3–52.
46. Theiner A. Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia. 2. Vols. Romae; Typ. Vaticanis, 1859–1860.

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация). E-mail: leonrus1245@mail.ru

*Поступила 04.03.2022 Принята к публикации 12.05.2022
Опубликована онлайн 29.06.2022*

REFERENCES

1. Amelkin A.O. About the time of creation and literary history of the cycle of Stories about Nikola Zarazsky. *Zaraisk martyrs – Prince Fyodor, Princess Evpraxia and their son John*. Zaraysk, 1998, pp. 73–100. (In Russian)
2. Aninsky S.A. The news of the Hungarian missionaries of the XIII-XV centuries. about Tatars about Eastern Europe. *Historical Archive*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1940. Issue 3, pp. 71–112. (In Russian)
3. Babintsev R.V. Mordvins in the system of the Golden Horde statehood. *News of Saratov University. A new series. History. International relations*. 2013. Vol. 13. Issue 2, pp. 85–88. (In Russian)
4. The Bible. The books of Holy Scripture of the Old and New Testaments (canonical). Minsk: Type. named after F. Skaryna. 1992. 1215 p. (In Belarusian)
5. Vorotyntsev L.V. Who was the “Saracen” scribe mentioned in the “History of the Mongols” by Plano Carpini (on the issue of conducting the first Horde census in Russia in 1245). *Golden Horde civilization*. Kazan, 2017, no. 10, pp 135–139. (In Russian)
6. Vorotyntsev L.V. The “Horde Captivity” of the Ryazan Prince Oleg Ingvarevich Krasny (1238–1258): From Historiographical Myth to Historical Realities. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 4, pp. 733–748. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.733-748 (In Russian)

7. Godlevsky N.N. *Planning and development of the central Russian city of the XVI–XVII centuries (using the examples of Tula, Zaryaik, Kolomna and Mozhaik)*. Diss. cand. archit. Moscow, 1967. 278 p. (In Russian)

8. Georgius Pachymeres. *The history of Michael and Andronicus Paleologus*. Vol. I. The reign of Michael Palaiologos 1255–1282. St. Petersburg., 1862. 523 p. (In Russian)

9. Dobrodomov I.G. *Toponym Zaryaik. Zaryaik martyrs – Prince Fyodor, Princess Evpraxia and their son John*. Zaryaik, 1998, pp. 44–56. (In Russian)

10. Juveini Ata-Melik. *The history of the conqueror of the world*. Moscow, 2004. 689 p. (In Russian)

11. *Izbornik (Collection of works of literature of Ancient Russia)*. Moscow, 1969. 948 p. (In Russian)

12. Kozin S.A. *The secret history*. Moscow-Leningrad, 1941. 619 p. (In Russian)

13. Kloss B.M. *Selected works*. Vol. 2. *Essays on the history of Russian hagiography of the XIV–XVI centuries. Hagiography of Moscow, Tver, Yaroslavl, Suzdal. Tales of miraculous icons*. Moscow, 2001. 488 p. (In Russian)

14. Kloss B.M. *The history of the creation of the Story about Nikola Zarazsky. Zaryaik*. Vol. 1: *Historical realities and legends*. Moscow, 2002, pp. 114–177. (In Russian)

15. Krivosheev Yu.V. *Mongols and Russia. A study on the history of North-Eastern Russia of the XIII–XIV centuries*. St. Petersburg: Academy of Cultural Studies, 2015. 452 p. (In Russian)

16. Kuchkin V.A. *Early history of the city of Zaryaik and the problem of its sources. Zaryaik*. Vol. 1: *Historical realities and legends*. Moscow, 2002, pp. 40–113. (In Russian)

17. Kuzmin A.G. *Ryazan chronicle*. Moscow, 1965. 286 p. (In Russian)

18. Kuzmin A.G. *Chronicle news about the destruction of Ryazan by Batu. Bulletin of the Moscow University. Episode 9. History*. 1963, no. 2, pp. 55–70. (In Russian)

19. Kuzmin A.V. *Ryazan, Pronsk and Murom princes in the XIII – middle of the XIV century (historical and genealogical research). Notes of the department of manuscripts of the Russian State Library. Articles and messages*. Moscow, 2008. Issue 53, pp. 111–136. (In Russian)

20. Kychanov E.I. *Information from “Yuan shi” about the conquest of Russia by the Mongols. Historiography and source studies of the history of Asia and Africa*. Issue 18. 1999, pp. 160–169. (In Russian)

21. Likhachev D.S. *The Stories about Nikola Zarazsky. Zaryaik Martyrs – Prince Fyodor, Princess Evpraxia and their son John*. Zaryaik, 1998, pp. 27–35. (In Russian)

22. Lobakova I.A. *Notes on the textual history of “The Stories of Nikola Zarazsky” (Response to the concept of B.M. Kloss). Russian hagiography: Studies. Publications. Polemics*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2005, pp. 761–784. (In Russian)

23. Mayorov A.V. *Woman, diplomacy and war: Russian princes in negotiations with Batu on the eve of the Mongol invasion. Steps/Steps*. Vol. 7, no. 3, pp. 124–199. (In Russian)

24. *Monuments of literature of Ancient Russia: XIII century*. Moscow, 1981, pp. 200–203. (In Russian)

25. *The teaching of Vladimir Monomakh. Electronic publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4874> (accessed: 22.11.2021) (In Russian)

26. *Praise to the family of Ryazan princes. Zaryaik martyrs – Prince Fyodor, Princess Evpraxia and their son John*. Zaryaik, 1998, pp. 23–24. (In Russian)

27. *The Tale of Peter and Fevronia Muromsky (Writings of Ermolai-Erasmus, RNB, Solovetsky Cathedral, No. 287/307). Electronic publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5116#> (accessed: 23.11.2021) (In Russian)

28. *The Tale of the Destruction of Ryazan by Batu (Manuscript of the RSL, Volokolamsk Cathedral, vt. a third of the XVI century., l. 229–258). Electronic publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of*

Sciences. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4956> (accessed: 21.11.2021) (In Russian)

29. Poppe A. To the initial history of the cult of St. Nikola Zarazsky. *Essays in Honor of A.A. Zimin* / Ed. by D. Waugh. Columbus, 1985. p. 289–304. (In Russian)

30. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. II. The Hypathian chronicle. St. Petersburg, 1908. 938 Stb. (In Old Russian)

31. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. III. Novgorod first chronicle according to the Older and Younger Transcripts. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1950. 656 Stb. (In Old Russian)

32. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. VI. The Sophia chronicles. St. Petersburg, 1858. 283 p. (In Old Russian)

33. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. IX, X. The Nikon chronicle. Moscow, 1965. 244 p. (In Old Russian)

34. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XX. Russian chronograph; h. I: Chronograph edition 1512 g. St. Petersburg, 1911. 578 p. (In Old Russian)

35. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXIV. Typographic chronicle. Petrograd., 1921. 275 p. (In Old Russian)

36. Journey to the Eastern countries by Plano Carpini and Guillaume Rubruk. St. Petersburg, 1957. 270 p. (In Russian)

37. Porsin A.A. *Berke. A Muslim on the Mongol throne*. Nursultan. 2020. 424 p. (In Russian)

38. Rashid al-Din. Collection of chronicles. Vol. I. Part 2. Moscow-Leningrad, 1952. 315 p. (In Russian)

39. Rashid al-Din. Collection of chronicles. Vol. II. Moscow-Leningrad, 1960. 248 p. (In Russian)

40. Discharge book of 1475–1598. Moscow, 1966. 617 p. (In Russian)

41. Discharge order, Moscow, inventory no. 10. Columns of the Vladimir table, column. 44. 1637–1641. l. 83. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. Foundation No. 210. 10. (In Old Russian)

42. Hautala R. *From “David, King of the Indies” to “the hated plebs of Satan”*. An anthology of early Latin information about the Tatar-Mongols. Kazan, 2015. 496 p. (In Russian)

43. Hautala R. From Batu to Janibek: military conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 2, pp. 272–313. (In Russian)

44. Yuan Shi (History of the Yuan Dynasty). Shanghai, 1935–1937. 578 p. (In Old Chinese)

45. Baum W. The Mongols and ds Christianity. In *J. Tubach, S. G. Vashalomidze, M. Zimmer. Reichert Verlag*. 2012. P. 41. P. 3–52.

46. Theiner A. *Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia*. 2. Vols. Romae; Typ. Vaticanis, 1859–1860.

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), Research Fellow, Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation). E-mail: leonrus1245@mail.ru

Received March 4, 2022 Accepted for publication May 12, 2022

Published June 29, 2022